

ПАРАДОКСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Владимир Александрович Иванов*

Ключевые слова: *кочевники, огузы, печенеги, кимаки, кипчаки-половцы*

Аннотация: *В своей статье автор поднимает проблему аутентичности результатов изучения истории средневековых кочевников Восточной Европы историками и археологами. Вопросы, которые автору представляются основными – это исходные территории и маршруты кочевнической миграции в Восточную Европу, территория и этническая составляющая кочевнических государств. К выводам историков-номадистов автор относится критически, поскольку они игнорируют данные археологии, следовательно, в значительной степени являются умозрительными.*

Исторические дискурсы, написанные на основе нарративов, и археологическое источниковедение средневековых кочевников Евразии находятся в отношении если не оппозиции, то индифферентности друг к другу. В исследованиях историков-дискурсантов (например, П. Голдена, О. Прицака, В. Спинаея, С. Вегерчука, М. Киселевой, Я. Пилипчука и многих других)

освещены практически все аспекты этнической, социальной, политической, конфессиональной истории огузов (гузов), печенегов, кыпчаков/половцев. Что же касается археологических исследований, то здесь сразу возникают вопросы, связанные именно с информацией, извлекаемой из имеющихся археологических источников. Обозначим только некоторые.

ВОПРОС ПЕРВЫЙ – ИСХОДНАЯ ТЕРРИТОРИЯ КОЧЕВНИКОВ

Самые ранние из дошедших до нас сведения о территории расселения древних печенегов (большинство историков идентифицируют их с «кангарами – кенгересами») содержатся в «Исторических записках (Шы-Цзи)», составленных Сыма Цянем в 99 г. до н.э. В них говорится о кочевом государстве Кангюй, расположенном к северо-западу от Давани (Фергана) и к юго-востоку от кочевого же владения Яньцай, которое «лежит при большом озере, которое не имеет высоких берегов» (т.е. Северном или Каспийском море).¹ Судя по предлагаемой исследователями идентификации географических ориентиров, границы «владения Кангюй» включали в себя

территории бассейна Сырдарьи, от Ташкента в сторону Хорезма.

Из китайских же хроник известно, что в середине VII в. н.э. в бассейне рек Тола и Орхон существовало «государство токуз-огузов», павшее под ударами Второго Восточнотюркского каганата в начале 70-х гг. VII века.

Более точные сведения о территории расселения огузов в VII–VIII вв. содержатся в надписях в честь Тоньюкука, хана Могиляна (умер в 735 г.), и уйгурского хана Моюн-Чура (умер в 757 г.): это реки Тогла (Тола) в Монголии и Селенга и Орхон.

Таким образом, из сведений древнетюркских письменных памятников следует, что

* Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы; Россия, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а к2. ivanov-sanych@inbox.ru

¹ВICSURIN 1950.

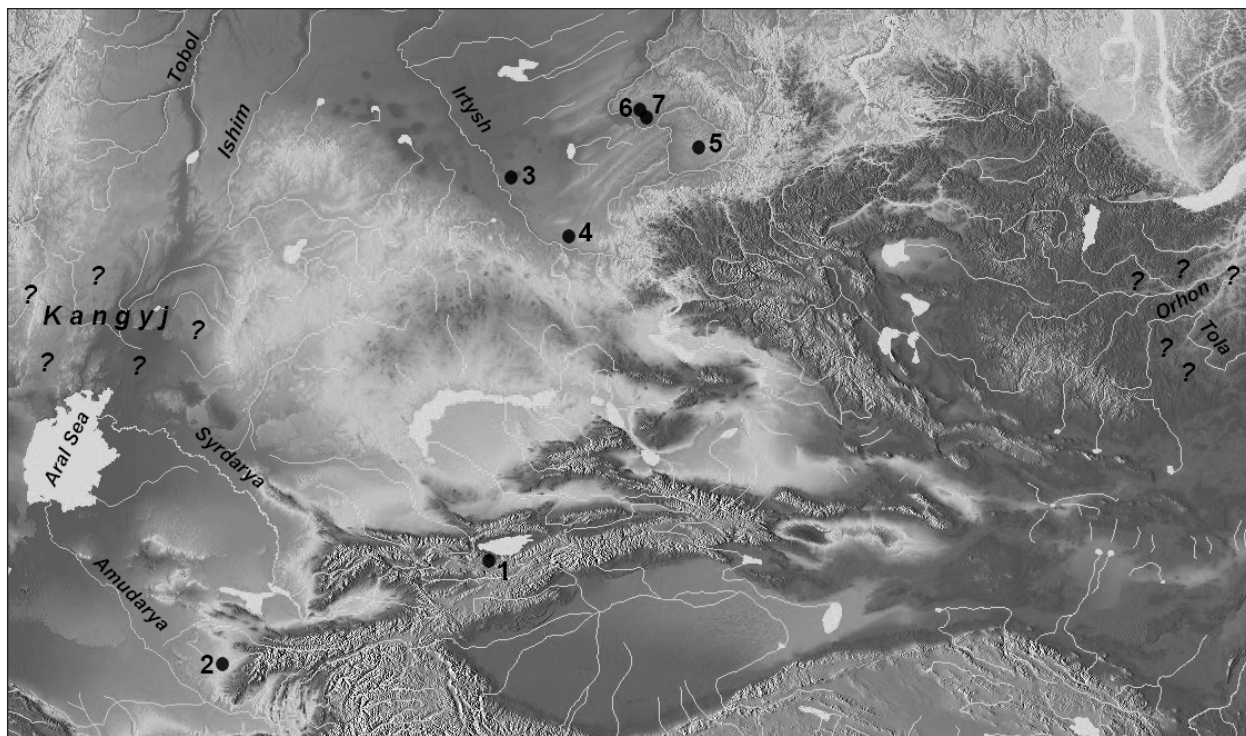

Рис. 1. Карта курганов IX–X вв. на востоке степей Евразии. 1: Койсу; 2: Кыз-Тене; 3: Совхоз № 499; 4: Когалы-I; 5: Змеевка; 6: Гилево V; 7: Корболиха

1. kép. A 9–10. századi kurgánok elterjedési térképe Eurázsia keleti sztyeppéin. 1: Kojsszu; 2: Kiz-Tepe; 3: Szovhoz № 499; 4: Kogali-I; 5: Zmejevka; 6: Giljevo V; 7: Korboliha

в VII–VIII вв. огузы и печенеги (кенгересы) – два отдельных самостоятельных народа – жили на востоке Великого пояса евразийских степей, на значительном удалении друг от друга и были разделены друг от друга территорией Тюркских каганатов.

Подобная ситуация, по-видимому, была зафиксирована и арабскими географами середины IX в. Например, в «Книге картины земли» Мухаммада ал-Хваризми, написанной между 836 и 847 гг. на основании географических данных Птолемея, о кенгересах - печенегах речь вообще не идет. А об огузах сказано, что их земля («земля ат-тугузгуз») расположена далеко на восток от Хорезма, Бухары и Самарканда.²

Арабские авторы второй половины IX в. (Ибн-Хордадбех, аль-Йакуби) называют огузов и печенегов среди других кочевых тюркских племен Средней Азии (кимаков, карлуков, токузгузов, киргизов и кипчаков), правда, без обозначения конкретных границ их расселения.

Авторы конца IX – начала X вв. – аль-Балазури и ат-Табари сообщают о том, что в 820–821 гг. токуз-огузы совершали набеги на Усрушану (Фергана, Самарканд, Ташкент). То есть, в начале IX в. они уже находились в 3000 км к западу от Орхона и Селенги и являлись ближайшими соседями печенегов.

Соседство это, в итоге, вылилось в серию войн между печенегами и огузами, карлуками и кимаками за земли «вокруг моря Джурджан» (Аральского), о которых мы узнаем из сочинения ал-Масуди (середина X в.). И хотя подробности этих войн в письменных источниках не освещены, результатом их явилось вытеснение печенегов из бассейна Сырдарьи и Приуралья сначала в степи Волго-Уральского региона, а затем и далее на запад.

Эта стройная, на первый взгляд, схема этно-политической истории огузов и печенегов много раз приводилась в работах историков. Из современных назовем П. Голдена и Я. Пилип-

² KALINYINA 1988.

чука.³ С точки зрения исторического дискурса, подобная история выглядит вполне логичной и достаточно правдоподобной, при одном существенном замечании – она никак не согласуется с данными археологии, имеющимися в распоряжении современной науки. В этом легко убедиться, обратившись к карте погребений кочевников рубежа I–II тыс. н.э., выявленных и исследованных на востоке Великого пояса степей Евразии. Среди многочисленных погребений древних тюрков конца I – начала II тыс. н.э. Алтая и Южной Сибири (курайский и балтарганский этапы тюркской культуры, грязновский и шадринцевский этапы сроткинской культуры)⁴ мы не находим погребений, которые типологически можно было бы связать с ранними печенежскими или огузскими. За исключением десяти погребений, которые по своему погребальному обряду могут быть (очень условно) выделены из общего массива тюркских

и сроткинских (кыпчакских) погребений по таким признакам, как захоронения под земляными насыпями (Змеевка, Гилево V, совхоз № 499), наличие в могиле шкуры (череп и кости ног) коня (Когалы I, совхоз № 499, Гилево V), украшений узды (Койсу, Гилево V, Корболиха VII), подвески-копоушки и глиняного горшка (Корболиха VII). Четкой локализации эти погребения не имеют, а встречены на различных, удаленных друг от друга окраинах востока степной Евразии (рис. 1). То есть, на территориях Великого пояса степей Евразии, расположенных к востоку от Волги и Уральских гор, погребений VIII–IX вв., которые можно было бы интерпретировать, как огузские или печенежские, пока не известны.

Что касается авторов-нарративистов IX в., то, кроме указания на то, что в первой половине IX в. огузы (тогузгузы) обитали где-то к востоку от Хорезма, никаких других сведений мы в их сочинениях не находим.

ВТОРОЙ ВОПРОС – ТЕРРИТОРИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОЧЕВНИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

Этот вопрос до сих пор также освещается в контексте дискурсов, базирующихся на отрывочных и случайных нарративах.

Если государство кимаков X–XI вв. в своей северо-восточной части еще как-то обозначено археологическими памятниками сроткинской (кимако-кыпчакской) культуры, то его западная часть, степи между Иртышом и Аральским морем, до сих пор остаются «заселенными» некими виртуальными кыпчаками, югурами, кыркырами и другими подобными племенами, известными только своими этнонимами.

Аналогичная ситуация сложилась и вокруг «Державы огузских ябгу». В свое время С. Г. Агаджанов границы расселения огузов в X в. очерчивал от Нижней Волги и Каспийского моря до Восточного и Южного Казахстана и среднего течения Сырдарьи, опираясь при этом на сочинения ибн Фадлана, Идриси, Бируни и некоторых других арабских авторов.⁵

Действительно, в археологическом контексте западная периферия «Державы огузских ябгу» обозначена соответствующими курганными захоронениями X–XI вв. в степях между Каспийским морем, Нижней Волгой и Южным Уралом (Мугоджары) с соответствующим погребальным обрядом и набором характерных этнографических вещей. В то же время все территории государства огузов, расположенные к востоку от Аральского моря, низовьев Сырдарьи и Южного Урала, где, в частности, по сведениям средневековых авторов, современные исследователи помещают огузов-туркмен, в археологическом отношении до сих пор представляют собой *terra incognita* (рис. 2).

Археологический вакуум на востоке степей Евразии фактически делает невозможным решение третьего вопроса – о маршрутах миграций средневековых кочевников в Восточную Европу и далее на запад. Они неизвестны вообще, по-

³ GOLDEN 1972; IVANOV–GARUSZTOVICS–PILIPCSUK 2014.

⁴ ТЫСКИН–ГОРБУНОВ 2002.

⁵ AGADZSANOV 1969, 72.

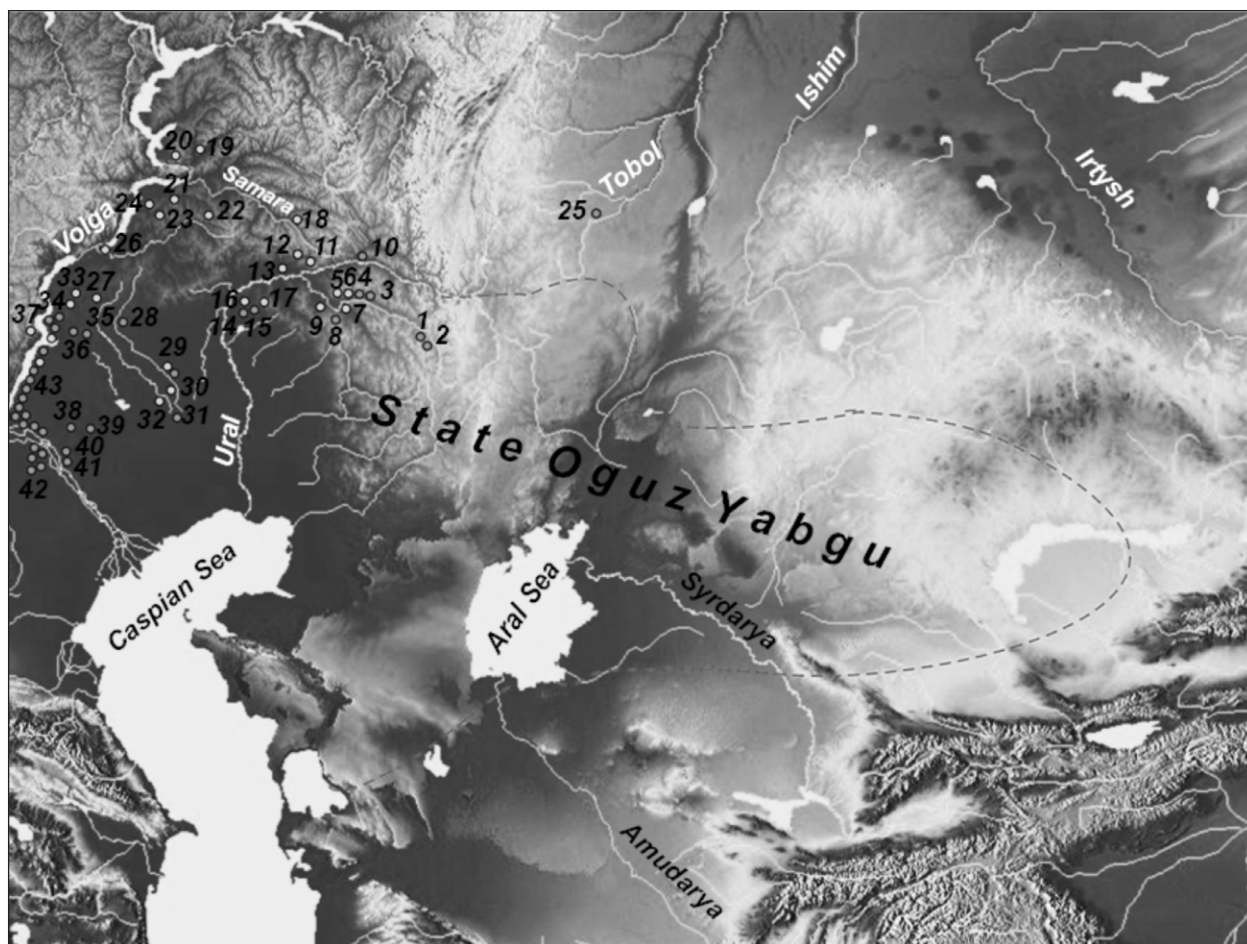

Рис. 2. Курганы огузов и печенегов в степях Урало-Поволжья. 1: Жаман-Каргала; 2: Жаман-Каргала I; 3: Увак; 4: Тамар-Уткуль; 5: Пчельник; 6: Ак-Булак; 7: Буранный; 8: Болгарка; 9: Покровка; 10: Алебастровая гора; 11: Красный Яр; 12: Яман; 13: Рубежинский; 14: Челкар; 15: Челкар II, IV; 16: Челкар III; 17: Лебедевка; 18: Сорочинское; 19: Васильевка; 20: «Золотая Нива»; 21: Кировский III; 22: Волчанка; 23: Осинки I; 24: Красный Октябрь; 25: Ханская могила; 26: Саратов; 27: Кураевский сад; 28: хутор Степана Разина; 29: Кара-Су I; 30: Кос-Оба; 31: Кара-Оба (Джангала); 32: Жана-Унем; 33: Мирный; 34: Сухая Саратовка; 35: Блюменфельд; 36: Молчановка I; 37: Иловатка; 38: Эльтон; 39: Ченин; 40: Колобовка; 41: Досанг; 42: Барановка, Капитанский хутор, Кривая Лука, Цаган-Усн; 43: Бережновка, Верхний Балыклей, Новоникольское, Быково, Калиновка, Рахинка, Средняя Ахтуба, Верхне-Погромное, Кияковка, Ленинск, Царев

2. kép. Az Urál-Volga menti sztjepp oguz és besenyő népségének kurgános temetkezései. 1: Zsaman-Kargala; 2: Zsaman Kargala I; 3: Uvak; 4: Tamar-Utkul; 5: Pcselnyik; 6: Ak-Bulak; 7: Burannij; 8: Bolgarka; 9: Pokrovka; 10: Alebasztrovaja gora; 11: Krasznoj Jar; 12: Jaman; 13: Rubezsinszkij; 14: Cselkar; 15: Cselkar II, IV; 16: Cselkar III; 17: Lebegyevka; 18: Szorocsinszkoje; 19: Vasziljevka; 20: „Zolotaja Nyiva”; 21: Kirovszkij III; 22: Volcsanka; 23: Oszinki I; 24: Krasznoj Oktyabr; 25: Hanszkaja mogila; 26: Szaratov; 27: Kurajevszkij szad; 28: hutor Sztjepana Razina; 29: Kara-Szu I; 30: Kosz-Oba; 31: Kara-Oba (Dzsangala); 32: Zsana-Unem; 33: Mirnij; 34: Szuhaia Szaratovka; 35: Bljumenfeld; 36: Molcsanovka I; 37: Ilovatka; 38: Elton; 39: Csenyin; 40: Kolobovka; 41: Doszang; 42: Baranovka, Kapitanszkij hutor, Krivaja Luka, Cagan-Uszn; 43: Berezsnovka, Verhnyij Baliklej, Novonyikolszkoje, Bikovo, Kalinovka, Rahinka, Szrednyaja Ahtuba, Verhnye-Pogromnoje, Kiljakovka, Lenyinszk, Carev

скольку не подкреплены археологическим материалом. Это касается буквально всех кочевников эпохи средневековья. *A priori* мы, конечно знаем, что печенеги, огузы, кыпчаки/половцы/команы в степи Восточной Европы пришли из-за Волги. Но где находилась их исходная территория? Какими маршрутами те же самые туркмены/

сельджуки шли в Переднюю Азию и как долго они шли?

Для современных историков-дискурсантов здесь все ясно. Например, Я. Пилипчук, излагая этнополитическую историю кыпчаков в IX–XIII вв., и используя перекрестные ссылки на Курмекова, Расовского, Ахинжанова, Агаджанова,

Рис. 3. Курганы кыпчаков XII – начала XIII вв. в степях Заволжья и Приуралья. 1: Чаглинка; 2: Змеиный Дол; 3: Каинсай; 4: Третий Плес; 5: Солнце; 6: Буранчи; 7: Белый Ключ; 8: Покровка; 9: Ново-Троевка; 10: Покровка; 11: Белозерка; 12: Белозерка; 13: Надеждино; 14: Бабий Бугор; 15: Квасниковка; 16: Скатовка; 17: Покровка; 18: Мирный (Фриденберг); 19: Визенмиллер; 20: Харьковка I; 21: Джангала; 22: Джангала I; 23: Курпе-Бай; 24: Джангала (Новая Казанка); 25: Джангала (Кара-Оба); 26: Озеро Раим; 27: Ровное, Бережновка (Южная группа), Бережновка I, Бережновка, Политотдельское; 28: Быково I; 29: Калиновка, Красный Октябрь, Бахтияровка II; 30: Сероглазово; 31: Базар-Тобе; 32: Лебедевка VII; 33: Долинка, Койсу; 34: Утурлы-Тепе

3. kép. Kipcak kurgánok a 12. században – 13. század elején a Volgától keletre elterülő sztyeppen és az Urál mentén.

1: Csaglinka; 2: Zmejiniy Dol; 3: Kajinszaj; 4: Tretij Pljosz; 5: Szolnce; 6: Burancsi; 7: Belij Kljucs; 8: Pokrovka; 9: Novo-Trojevka; 10: Pokrovka; 11: Belozerka; 12: Belozerka; 13: Hagyezsgyino; 14: Babij Bugor; 15: Kvasznyiokvka; 16: Szkatovka; 17: Pokrovka; 18: Mirnij (Fridenberg); 19: Vizenmiller; 20: Harkovka I; 21: Dzsangala; 22: Dzsangala I; 23: Kurpe-Baj; 24: Dzsangala (Novaja Kazanka); 25: Dzsangala (Kara-Oba); 26: Ozero Rajim; 27: Rovnoje, Berezsnoverka (Juzsnaja gruppa), Berezsnoverka I, Berezsnoverka, Politotgyelszkoje; 28: Bikovo I; 29: Kalinovka, Krasznyj Oktyabr, Bahtijarovka II; 30: Szeroglazovo; 31: Bazar-Tobe; 32: Lebegyevka VII; 33: Dolinka, Kojsszu; 34: Uturli-Tepe

Кадырбаева, кочевья кыпчаков во второй половине XI в. размещает на Мангышлаке и Устюрте, между Аралом, Эмбой, средним течением Иртыша и озером Иссык-Куль, в долинах Таласа и Чу, предгорьях Тянь-Шаня и вокруг озера Балхаш, по Ишиму, Тоболу и даже в низовьях Камы.⁶ В отличие от названного исследователя, мы, рассматривая фактически пустую карту кыпчакских кочевий на востоке Евразии, не можем не задать вопрос – а где их следы? (рис. 3). Во-

прос этот не праздный, поскольку там, где печенеги, огузы и кыпчаки/половцы действительно обитали и были зафиксированы нарративистами-очевидцами (русские летописцы, Константин Багрянородный, П. Карпини, В. Рубрук) – т.е. в степях Восточной Европы – археологические памятники перечисленных кочевников представлены в большом количестве. А пока получается, что «кыпчакское государство», о котором пишут некоторые современные иссле-

⁶ ПІЛІПСУК 2012, 56–57.

дователи – фантом, существующий только в их воображении, поскольку никаких археологических следов его пребывания на востоке степей Евразии мы не имеем.

Но и там, где археологические памятники средневековых кочевников известны и изучены, их использование в современных исследованиях нуждается в корректировке. Например, профессор В. Спинеи в своей монографии 2003 года «Великие миграции...» пишет о невозможности типологического разделения печенежских, огузских и кыпчакских/половецких погребений: «*Unfortunately, the numerous tombs of the Turanian nomads discovered in the southern half of Moldavia and in the east of Wallachia, dating from the eleventh century, cannot be differentiated in the present stage of research to facilitate conclusions regarding the possible groupings of the communities of Uzes and Pechenegs. The same difficulties in separating the antiques of the Uzes from those of other Turanians in the Arpadians service are also encountered in Hungary*». ⁷ Сейчас этот тезис не является актуальным: на материалах многочисленных погребений средневековых кочевников в степях Восточной Европы выделены этнографические признаки погребального обряда и некоторых типов вещей печенегов, огузов и кыпчаков/половцев/команов. ⁸ На основании этих признаков сейчас можно вполне уверенно картографировать собственно печенежские и огузские погребения. Соответственно, можно говорить и об ареалах расселения этих групп кочевников на западе Степной Евразии. На карте, опубликованной В. Спинеем, показана территория, на которой собственно огузские погребения не представлены – это междуречье Днестра и Дуная. ⁹ Следовательно, можно принять вывод исследователя о том, что в середине XI в. печенежская территория сокращается вследствие натиска огузов с востока. Что и подтверждается распростране-

нием погребений с типично огузскими признаками именно до левобережья Нижнего Днестра (рис. 4). Что касается находок ажурных листовидных подвесок (по нашей номенклатуре – это подвески со стержнем для чистки ушной раковины) – типичного этнографического признака материальной культуры огузов ¹⁰ – то их находки в культурном слое средневековых городов на северо-востоке Болгарии (19 пунктов) ¹¹ могут быть свидетельством чего угодно: военного трофея, предмет торговли, потеря заезжего путешественника. Но никак не свидетельством массового расселения огузов к югу от Дуная (пока там известно единственное погребение, содержащее подобные подвески – Истрия). ¹² Конечно, в контексте реконструкции этнополитической истории Балкан, разрабатываемой нашими болгарскими и румынскими коллегами, его с одинаковой степенью вероятности можно интерпретировать и как оставленное огузами, и как оставленное печенегами. По нашему мнению, первое – более вероятно.

Идея об укреплении племенной конфедерации печенегов на левом берегу Дуная, как результат их массовой миграции из Северного Причерноморья в середине XI века, которая сложилась вследствие интерпретации сведений византийских авторов о набегах печенегов на Дунайские провинции Византии, ¹³ так же пока не находит своего отражения в археологических материалах. Ни печенежских, ни огузских памятников на левом берегу Дуная пока не найдено (рис. 5). Да и сама эта территория – между Дунаем и горами Восточных Карпат, площадью около 58 000 км² – не представляется достаточно просторной для обитания нескольких сотен тысяч кочевников (как об этом сообщают византийские нарративисты). То есть, печенегов *a priori* не могло быть много настолько, чтобы они массово расселялись на территориях, расположенных за пределами степей Восточной Европы.

⁷ SPINEI 2003, 198.

⁸ GARUSZTOVICS–IVANOV 2001, 82–83; IVANOV–IVANOVA 2001, 18–34; IVANOV–GARUSZTOVICS–PILIPCSUK 2014, 147–149, табл. 2–5.

⁹ SPINEI 2003, 199.

¹⁰ IVANOV–GARUSZTOVICS–PILIPCSUK 2014, 126.

¹¹ CURTA 2013, 215.

¹² CURTA 2013, 214.

¹³ SPINEI 20003, 131.

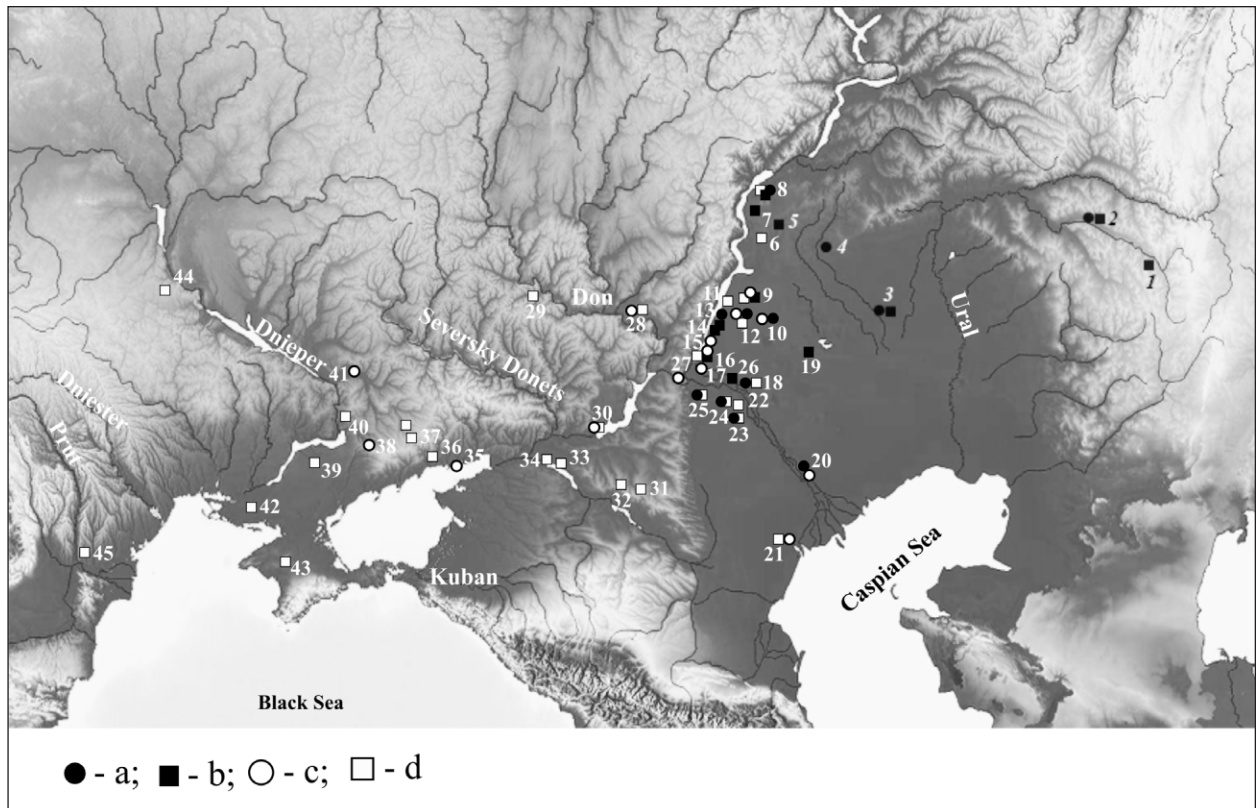

Рис. 4. Погребения огузов в степях Восточной Европы. Условные обозначения: а: Погребения с птицевидными подвесками; б: Кости коня на перекрытии могилы; с: Погребения с копоушками; d: Кости коня в засыпи могилы над погребенным. 1: Жаман-Каргала; 2: Увак; 3: Кара-Су; 4: хутор Степана Разина; 5: Кураевский сад; 6: Сухая Саратовка; 7: Лесное (Свиноуха); 8: Иловатка; 9: Верхний Балыклей; 10: Кано; 11: Политотдельское; 12: Калиновка; 13: Верхнее Погромное; 14: Волжский, Быково I; 15: Средняя Ахтуба; 16: Кияковка; 17: Ленинск; 18: Бахтияровка II; 19: Ченин; 20: Лапас; 21: Зензели; 22: Черный Яр; 23: Капитанский хутор; 24: Барановка; 25: Старица; 26: Царев; 27: Заяры; 28: Глазуновский; 29: Гаевка; 30: Саркел; 31: Калмбазар; 32: Джангар; 33: Слободской; 34: Арпачин; 35: Голодаевка; 36: Каран; 37: Большемихайловка; 38: Ясиноватое; 39: Рясные могилы; 40: Днепрорудный; 41: Бузовка; 42: Первоконстантиновка; 43: Казанский; 44: Зеленки; 45: Корпач

4. kép. Oguz sírok a kelet-európai sztyeppen. a: Sírok madár alakú csüngővel; b: Lócsontok a sírétítményen; c: Sírok fülkanállal; d: Lócsontok a sír betöltésében. 1: Zsaman-Kargala; 2: Uvak; 3: Kara-Szu; 4: hutor Sztjepana Razina; 5: Kurajevszkij szad; 6: Szuhaja Szaratovka; 7: Lesznoje (Szvinuha); 8: Ilovatka; 9: Verhnyij Baliklej; 10: Kano; 11: Politotgyelszkoje; 12: Kalinovka; 13: Verhnyeje Pogromnoje; 14: Volzszzskij, Bikovo I; 15: Szrednyaja Ahtuba; 16: Kiljakovka; 17: Lenyinszk; 18: Bahtyjarovka II; 19: Csenyin; 20: Lapasz; 21: Zenzeli; 22: Csornij Jar; 23: Kapitanszkij hutor; 24: Baranovka; 25: Sztarica; 26: Carev; 27: Zajari; 28: Glazunovszkij; 29: Gajevka; 30: Sarkel; 31: Kalmbazar; 32: Dzsangar; 33: Szlobodskoj; 34: Arpacsin; 35: Golodajevka; 36: Karan; 37: Bolsemihajlovka; 38: Jaszinovatoje; 39: Rjasznije mogili; 40: Dnyeprrudnij; 41: Buzovka; 42: Pervokonsztantynovka; 43: Kazanszkij; 44: Zelenki; 45: Corpaci

Там же, где они действительно зафиксированы письменными и археологическими источниками, они расселялись или дисперсно, или, напротив, очень компактно. Например, на территории Венгрии немногочисленные (59 погребений) погребения, которые Ч. Балинт связывает с «тюркским народом, примкнувшим к венграм, но отличным по происхождению», локализуются преимуще-

ственно на северо-востоке Венгрии.¹⁴ Тогда как основная масса поселений печенегов локализуется в западной части страны.¹⁵

В отличие от Венгрии, на территории Болгарии наиболее крупным памятником, свидетельствующим о пребывании печенегов к югу от Дуная, является могильник Одрьци, содержащий почти столько же захоронений, сколько их

¹⁴ BALINT 1972, 182.

¹⁵ PÁLÓCZI HORVÁTH 1989, 32.

Рис. 5. Курганы огузов и печенегов на западе степей Восточной Европы. Условные обозначения: а: курганы печенегов; б: курганы огузов. 1: Забара; 2: Зеленки; 3: Кагарлык; 4: Краснополка-Кагарлык; 5: Кривой Рог; 6: Большемихайловка IV; 7: Шамуровка; 8: Марьевка I; 9: Верхнетарасовка; 10: Благовещенка; 11: Александровка II; 12: Славянск; 13: Чермалык; 14: Вербки; 15: Верхняя Маевка; 16: Бузовка; 17: Котовка; 18: Афанасьевое; 19: Пролетарское; 20: Большемихайловка II; 21: Переезное; 22: Вильнянка; 23: Днепрорудный; 24: Широко; 25: Новониколаевский; 26: Большемихайловка; 27: Рясные могилы; 28: Первомаевка; 29: Долинский; 30: Ново-Филипповка; 31: Ровнополь; 32: Новогригорьевка; 33: Рыбинское; 34: Каран; 35: Малый Янисол; 36: Русский Колодец; 37: Кривой Лиман; 38: Беглица; 39: Тузлуки; 40: Покровское; 41: Лакедемоновка; 42: Красное; 43: Рядовые могилы; 44: Каланчанка; 45: Новочерноморье; 46: Скадовка; 47: Котовка; 48: Шевченко; 49: Новочерноморка; 50: Джанкой; 51: Казанка; 52: Карасу; 53: Атманай; 54: Яшкуль; 55: Приазовский I; 56: Бесленевский; 57: Бугазский; 58: Артюшенко; 59: Поповичи; 60: Дымовка; 61: Старогороженое; 62: Соколовка; 63: Беляевка; 64: Желтый Яр; 65: Дудчаны; 66: Змиевка; 67: Парканы; 68: Гребенники; 69: Мирное; 70: Нерубайское; 71: Аккерманские сады; 72: Олонеиты; 73: Кырнацены; 74: Холмское; 75: Плавни; 76: Антоновка; 77: Траповка; 78: Тузла; 79: Веселый Кут; 80: Борисовское; 81: Сарата; 82: Гура-Быкулуй; 83: Корпач I; 84: Каменка I.

5. kép. Oguz és besenyő kurgánok Kelet-Európa sztyeppi régiójának nyugati részén. а: Besenyő kurgánok; б: Oguz kurgánok. 1: Zabara; 2: Zelenki; 3: Kagarlik; 4: Krasznopolka-Kagarlik; 5: Krivoj Rog; 6: Bolsemihajlovka IV; 7: Samurovka; 8: Marjevka I; 9: Verhnyetaraszovka; 10: Blagovescsenka; 11: Alekszandrovka II; 12: Szlavjanszk; 13: Ssermalik; 14: Verbki; 15: Verhnyaja Majevka; 16: Buzovka; 17: Kotovka; 18: Afanaszjevo; 19: Proletarszkoje; 20: Bolsemihajlovka II; 21: Perejezdnoje; 22: Vilnyanka; 23: Dnyeprrorudnij; 24: Sirokoje; 25: Novonyikolajevszkij; 26: Bolsemihajlovka; 27: Rjasznije mogili; 28: Pervomajevka; 29: Dolinszkij; 30: Novo-Filippovka; 31: Rovnopol; 32: Novogrigorjevka; 33: Ribinszkoje; 34: Karan; 35: Malij Janyiszol; 36: Russzkij Kologyec; 37: Krivoj Liman; 38: Beglica; 39: Tuzluki; 40: Pokrovszkoje; 41: Lakegyemonovka; 42: Krasznoje; 43: Rjadovije mogili; 44: Kalancsanka; 45: Novocsjornomorje; 46: Szkadovka; 47: Kotovka; 48: Sevszenko; 49: Novocsjornomorka; 50: Dzsankoj; 51: Kazanka; 52: Karaszu; 53: Atmanaj; 54: Jaskul; 55: Priezovszkij I; 56: Beszlenyejevskij; 57: Bugazszkij; 58: Artyusenko; 59: Popovicsi; 60: Dimovka; 61: Sztarogorozsenoje; 62: Szokolovka; 63: Bjeljajevka; 64: Zsjoltij Jar; 65: Dudcsani; 66: Zmijevka; 67: Parcani; 68: Grebennyiki; 69: Mirnoje; 70: Nyerubajszkoje; 71: Akkermanszkije szadi; 72: Olänešti; 73: Círnäteni; 74: Holmszkoje; 75: Plavnyi; 76: Antonovka; 77: Trapovka; 78: Tuzla; 79: Veszjolij Kut; 80: Boriszovszkoje; 81: Szarata; 82: Gura Bicului; 83: Corpaci I; 84: Kamenka I

найденно во всех курганах, расположенных в степях Восточной Европы. Однако следует иметь в виду, что погребальный обряд этого могильника заметно отличается от погребального обряда курганов Восточной Европы, что дает основание предполагать, что «печенеги из Одърци» уже не были теми воинственными печенегами, которые держали в напряжении и киевских князей, и византийских императоров. Это – во-первых. Во-вторых, короткое время функционирования могильника (около 50-ти лет) так же свидетельствует о том, что на территории Болгарии печенеги были немногочисленны и уже в конце XI века утратили свою этническую компактность: были или расселены, или уничтожены.¹⁶ Тем более, что в это же самое время на западной окраине степей Восточной Европы появился новый враг, одинаково страшный и для печенегов, и для огузов – кыпчаки/куманы/половцы (рис. 6).

Приведенные выше данные подводят нас к неутешительным выводам: на археологической

карте средневековых кочевников Степной Евразии в самом ее центре (это значительная часть территории Казахстана) до сих пор зияет лакуна, заполнять которую, по-видимому, в ближайшее время никто не собирается. Следовательно, и в будущем нам предстоит иметь дело с дискурсами историков-номадистов, построенными на прямолинейных интерпретациях средневековых нарративов, дополненных их собственными трактовками и размышлениями. Подобные дискурсы невозможно ни опровергнуть, ни подтвердить. Что касается археологов-номадистов, то в ближайшее время им предстоит узнавать, глядя на пустую археологическую карту, что оказывается здесь, где сейчас не выявлено ни одного следа пребывания кочевых племен, кипели политические страсти и процветали могучие государства, наводившие страх на своих более «цивилизованных» соседей. Ситуация более чем парадоксальная.

ЛИТЕРАТУРА

- AGADZSANOV 1969: Агаджанов, С. Г.: *Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв.* Ашхабад 1969.
- BÁLINT 1972: Балинт, Ч.: Погребения с конями у венгров в IX–X вв. In: *Проблемы археологии и древней истории угров.* Отв. ред.: Смирнов, А. П. – Чернецов, В. Н. – Эрдели, И. Ф. Москва 1972, 176–188.
- BICSURIN 1950: Бичурин, Н. Я.: *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена* 1. Москва-Ленинград 1950.
- CURTA 2013: Курта, Ф.: Образ и археология печенегов. *STRATUM plus* 2013:5, 203–234.
- DONCSEVA-РЕТКОВА 2005: Дончева-Петкова, Л.: *Одърци. Некрополи от XI век* 2. София 2005.
- GARUSZTOVICS–IVANOV 2001: Гарустович, Г. Н. – Иванов, В. А.: *Огузы и печенеги в евразийских степях.* Уфа 2001.
- GOLDEN 1972: Golden, P.: The migrations of the oguz. *Archivum Ottomanicum* 4 (1972) 45–84.
- IVANOV–GARUSZTOVICS–PILIPCSUK 2014: Иванов, В. А. – Гарустович, Г. Н. – Пилипчук, Я. В.: *Средневековые кочевники на границе Европы и Азии.* Уфа 2014.
- IVANOV–IVANOVA 2001: Ivanov, V. A. – Ivanova, M. I.: Geographical and Political Background of Medieval Nomads Setting in the Steppes of Eastern Europe. *Chronica. Annual of the Institute of History University of Szeged* 11 (2001) 18–34
- KALINYINA 1988: Калинина, Т. М.: *Сведения ранних ученых Арабского Халифата.* Москва 1988.
- PÁLÓCZI HORVÁTH 1989: Pálóczi Horváth, A.: *Pechenegs, Cumans, Iasians: Steppe peoples in medieval Hungary.* Budapest 1989.

¹⁶ DONCSEVA-РЕТКОВА 2005, 161–174.

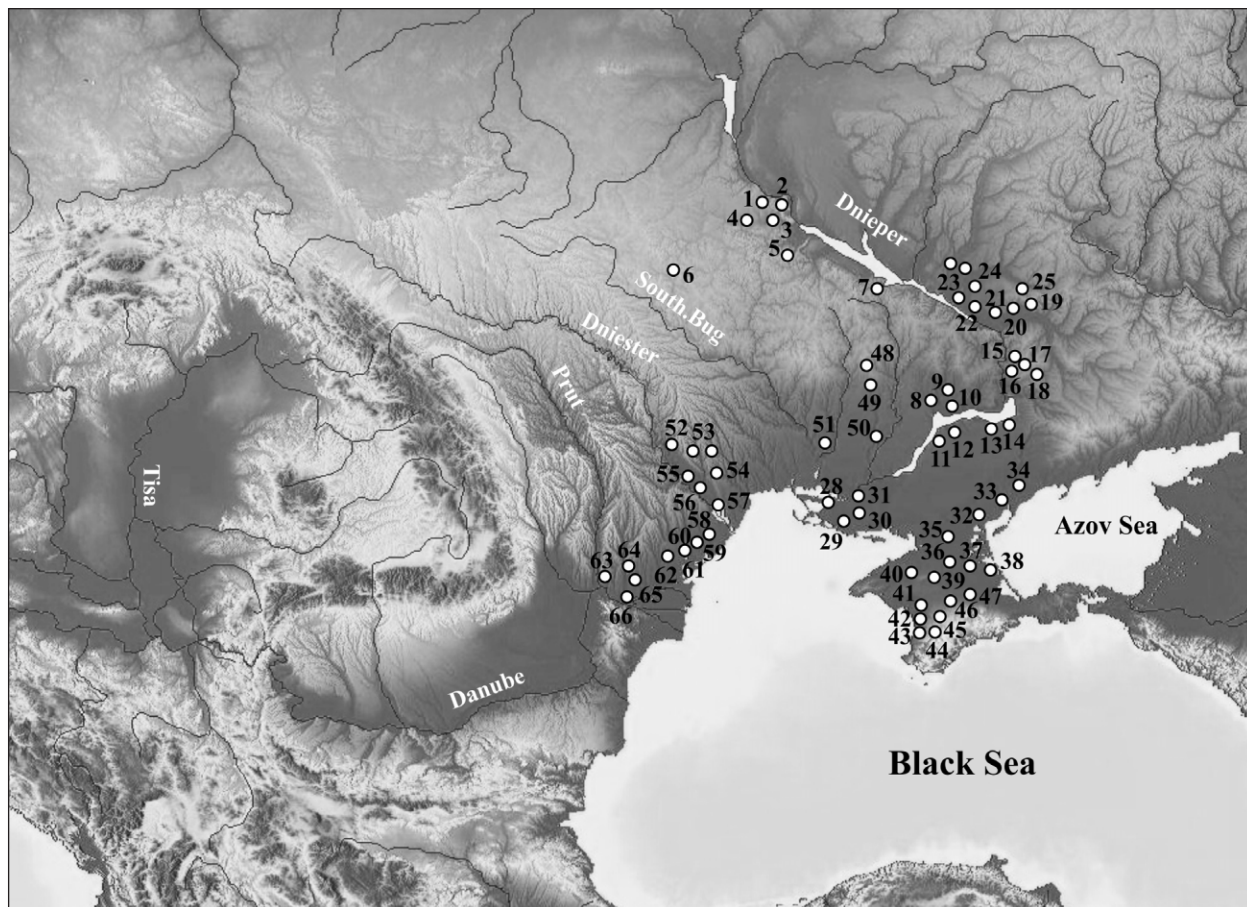

Рис. 6. Курганы кыпчаков/половцев на западе степей Восточной Европы. 1: Россаса; 2: Краснополка; 3: Казарлыцкая слобода; 4: Зеленки; 5: Степанцы; 6: Земля Москопуло; 7: Сухая Калина; 8: Круглая могила; 9: Николаевка; 10: Новогригорьевка; 11: Каиры; 12: Первомаевка; 13: Носаки; 14: Ясиноватая; 15: Вильно-Грушевка; 16: Рясные могилы; 17: Новоалександровка; 18: Большемихайловка; 19: Вербки II, IV; 20: Каменка; 21: Николаевка; 22: Пески; 23: Афанасьевка; 24: Георгиевское; 25: Марьевка III; 26: Колпаковка XXVII; 27: Чернечина; 28: Облои; 29: Морская Кошара; 30: Николаевка, Земля Пleshковой, Грушевка; 31: Юбилейное; 32: Владимировка; 33: Терновка; 34: Аккермень; 35: Красноперекон; 36: Филатовка; 37: Куреевка; 38: Целинное; 39: Мартыновка; 40: Луговское; 41: Кара-Кият; 42: Земля Плешковой; 43: Совхоз «Красный»; 44: Чокурча; 45: Симферополь; 46: Вилино; 47: Казанка; 48: Кирова; 49: Ковалевка II; 50: Пеллаевка; 51: Старогороженое; 52: Парканы; 53: Плоское; 54: Флоринское; 55: Сукля; 56: Дзинилор; 57: Беляевка; 58: Траповка; 59: Великодолинское; 60: Павловка; 61: Сарата; 62: Фриденсфельд; 63: Плавни; 64: Каменка; 65: Новокаменка; 66: Баштановка

6. kép. Kipcak/kun kurgánok Kelet-Európa sztyeppi régiójának nyugati részén. 1: Rosszava; 2: Krasznopolka; 3: Kagarlickaja szloboda; 4: Zelenki; 5: Szyepanci; 6: Zemlja Moszkopulo; 7: Szuhaja Kalina; 8: Kruglaja mogila; 9: Nyikolajevka; 10: Novogrigorjevka; 11: Kairi; 12: Pervomajevka; 13: Noszaki; 14: Jaszinovataja; 15: Vilno-Grusevka; 16: Rjasznije mogili; 17: Novoalekszandrovka; 18: Bolsemihajlovka; 19: Verbki II, IV; 20: Kamenka; 21: Nyikolajevka; 22: Peszki; 23: Afanaszjevka; 24: Georgijevszkoje; 25: Marjevka III; 26: Kolpakovka XXVII; 27: Csernyecsina; 28: Obloi; 29: Morszakja Kosara; 30: Nyikolajevka, Zemlja Pleskovej, Grusevka; 31: Jubilejnoje; 32: Vlagyimirovka; 33: Tyernovka; 34: Akkermeny; 35: Krasznoperekop; 36: Filatovka; 37: Kurejevka; 38: Celinnoje; 39: Martinovka; 40: Lugovszkoje; 41: Kara-Kijat; 42: Zemlja Pleskovej; 43: „Krasznij” Szovhoz; 44: Csokurcsa; 45: Szimferopol; 46: Vilino; 47: Kazanka; 48: Kirova; 49: Kovalevka II; 50: Pelagejevka; 51: Sztarogoroszsenoje; 52: Parcani; 53: Ploszkoje; 54: Florinszkoje; 55: Szukleja; 56: Dzinilor; 57: Bjeljajevka; 58: Trapovka; 59: Velikodolinszkoje; 60: Pavlovka; 61: Szarata; 62: Fridenszfeld; 63: Plavnyi; 64: Kamenka; 65: Novokamenka; 66: Bastanovka

- PILIPCSUK 2012: Пилипчук, Я. В.: *Етнополітичний розвиток Даши-і-Кипчак у IX-XIII ст.* Київ 2012.
- SPINEI 2003: Spinei, V.: *The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century.* Cluj-Napoca 2003.
- TYISKIN–GORBUNOV 2002: Тишкин, А. А. – Горбунов, В. В.: Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая. *Древности Алтая* 9 (2002). <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2002/09/12.html>

FORRÁSTANI ELLENTMONDÁSOK KELET-EURÓPA KÖZÉPKORI NOMÁDJAINAK TÖRTÉNETÉBEN

VLAGYIMIR ALEKSZANDROVICS IVANOV

A szerző cikkben felhívja a figyelmet a kelet-európai nomádok történettudományi és régészeti kutatása hitelességének hibáira. A szerző számára az alapvető, kérdéses pontok a Kelet-Európába irányuló nomád vándorlások kiinduló területei és útvonalai, valamint a nomád államalakulatok területi és etnikai összetevői. A nomádokkal foglalkozó történészek következtetéseihez a szerző kritikusan áll hozzá, mivel kizárják a régészeti adatokat, és így az általuk levont következtetések spekulatívnak mondhatók. A felsorolt adatok a következő, nem túl biztató következtetések levonására készítetnek: a középkori Eurázsia nomád népek lakta területének közepe (ami Kazahsztán területének jelentős része) számunkra egy fehér folt, és ezt a képet látszólag a közeljövőben senki nem fogja tisztázni. Következésképpen a jövőben foglalkoznunk kell a nomádokkal foglalkozó történészek elméleteivel, melyeket közvetlenül a középkori írott források alapján állítottak össze, és kiegészítették azokat saját elképzeléseikkel. Ezeket az elméleteket nem lehet sem megcáfolni, sem megerősíteni. Ami a nomádokkal foglalkozó régészeket illeti, a közeljövőben rá kell jönniük a régészeti képet szemlélve, hogy ahol most nem ismerünk egy darab nomádokhoz köthető nyomot sem, ott heves politikai indulatok forrongtak és erős államalakulatok virágoztak fel, melyek félelemben tartották „civilizáltabb” szomszédaikat. A helyzet több mint paradox.

